

ЕНИСЕЙСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15-го числа.

ПОДПИСКА принимается въ редак-
ціи: г. Красноярскъ, Гостинская ул.,
д. № 41.

Ц Ъ Н А годовому изданію съ
доставною и пересыльною 6 руб.

1912 года.

№ 7.

1 апрѣля.

Содержаніе. Отдѣль оффиціальнѣй: Оффиціальная хроника.—
Отъ Предреблателя Совѣта состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея
Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны попечи-
тельства Императрицы Маріи Александровны о слѣдѣхъ.

Отдѣль неоффиціальнѣй: Думы въ свѣтлую Христову ночь.—По
поводу IX письма свѣщ. Кузьмина „Соработникамъ на нивѣ Христовой.“—Августа
Григорьева.—Хроника Епархіальной жизни.—Изъ дневника семинариста.—Грустно.
Свѣщ. Подгайскій.—Матеріалы по исторіи Енисейской епархіи.—Безсмертіе души.
(Окончаніе)—Христ. Соболевъ.

ОТДѢЛЬ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Оффиціальная хроника.

Указомъ Св. Синода, отъ 23 февраля 1912 г., за № 2665
при Перовской Иннокентіевской церкви, Канскаго уѣзда, закрыта
вторая псаломщическая вакансія.

Указомъ Св. Синода, отъ 13 февраля 1912 года, за № 2156,
открыты въ Енисейской епархіи слѣдующіе переселенческіе приходы:

По Канскому уѣзду: Касткаійскій, Соболевскій, Суховскій, Малиновскій.

По Ачинскому уѣзду: Сѣверный Катыкъ, Зачулымскій, Ново-Новоселовскій (уч. Бычковъ), Тургеневскій.

Жалованье въ этихъ приходахъ назначено изъ казны въ размѣрѣ 800 рублей на причтъ, священнику—600 рублей, псаломщику—200, а квартирнаго пособія 225 рублей на причтъ.

Священническія и псаломщическія вакансии въ этихъ приходахъ будутъ замѣщены лицами, кончившими III Московскіе пастырскіе и псаломщическіе курсы.

Отъ Енисейской Духовной Консисторіи.

Священники Александръ Коноваловъ, Алексѣй Барковъ, Василій Самойловъ, Алексѣй Евтѣевъ, Александръ Воскресенскій, Николай Цвейтовъ, Константинъ Угрюмовъ, Симеонъ Рудаковъ и Михаилъ Коносовъ, во вниманіе къ довольно продолжительному отнесенію ими обязанностей по исправленію благочинническихъ должностей, соединенному съ исполнительностію, аккуратностію и знаніемъ этого дѣла, а также за несостояніемъ ихъ въ настоящее время подъ судомъ и слѣдствіемъ, опредѣленіемъ мѣстнаго Епархіальнаго Начальства, состоявшимся 15—17 сего марта за № 3560—1132, утверждены въ означенныхъ должностяхъ.

Отъ Предсѣдателя Совѣта состоящаго подь АВГУСТЪЙ-
ШИМЪ покровительствомъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕ-
СТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ
попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ
о слѣпыхъ.

На имя Его Преосвященства.

Какъ извѣстно Вашему Преосвященству, еще въ 1881 году Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено было ежегодно производить сборъ пожертвованій въ пользу слѣпыхъ въ теченіе недѣли о слѣпомъ во всѣхъ городскихъ и монастырскихъ церквахъ. Затѣмъ, опредѣленіемъ отъ 28 апрѣля 1908 г., за № 2767, опубликованнымъ въ № 20 Церковныхъ Вѣдомостей за тотъ же годъ, сборъ этотъ распространенъ на всѣ безъ исключенія церкви Имперіи. Впослѣдствіи, опредѣленіемъ своимъ отъ 28—29 сентября 1910 г. (Церковныя Вѣдомости за этотъ годъ № 41) Святѣйшій Синодъ отнесъ его къ разряду тарелочныхъ сборовъ. Наконецъ, опредѣленіемъ отъ 19—22 марта 1911 г., за № 2134, Святѣйшій Синодъ разъяснилъ духовенству черезъ напечатаніе въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ (№ 14, 1911 г.), что повсемѣстный въ церквахъ тарелочный сборъ въ пользу слѣпыхъ въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ не возбраняется замѣнить обношеніемъ запечатанныхъ кружекъ, если по какимъ-либо причинамъ Уполномоченный Попечительства, на котораго возложено руководство сборомъ по епархіи въ пользу слѣпыхъ признаетъ нужнымъ остаться при прежнемъ порядкѣ сбора посредствомъ кружекъ.

На основаніи этого разрѣшенія, Совѣтъ Попечительства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ возложилъ руководство и всѣ распоряженія по производству церковнаго сбора въ предстоящую недѣлю о слѣпомъ, съ 28 апрѣля по

5 мая, во вѣренной Вашему Преосвященству епархіи на уполномоченнаго своего, управляющаго акцизными сборами Енисейской губерніи, статскаго совѣтника Петра Васильевича Шаньгина, представивъ ему какъ выборъ лицъ, завѣдующихъ сборомъ въ каждомъ отдѣльномъ приходѣ, и сборщиковъ въ каждомъ храмѣ, такъ и установленіе всѣхъ ближайшихъ подробностей этого дѣла.

Сообщая о семъ Вашему Преосвященству, имѣю честь, отъ имени Совѣта Попечительства, обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ Вашемъ милостивомъ и просвѣщенномъ содѣйствіи успѣшному осуществленію предполагаемаго сбора, служащаго однимъ изъ главныхъ источниковъ средствъ для содержанія учреждений Попечительства для слѣпыхъ и больныхъ глазами.

Испрашивая Вашего Архипастырскаго благословенія и поручая себя святымъ молитвамъ Вашимъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

Подлинный за надлежащимъ подписомъ.

Енисейская Духовная Консисторія, въ исполненіе резолюціи Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Евѣмія, Епископа Енисейскаго и Красноярскаго, послѣдовавшей на семъ отношеніи 5 марта с. г., за № 939, предписываетъ причтамъ и старостамъ тѣхъ церквей, въ которыя будутъ командированы г. управляющимъ акцизными сборами Енисейской губерніи лица для сбора пожертвованій въ пользу слѣпыхъ въ теченіе предстоящей „недѣли о слѣпомъ“ (недѣля 5-я по Пасхѣ) — оказать содѣйствіе успѣшному осуществленію означеннаго сбора.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Думы въ свѣтлую Христову ночь.

„Очистимъ чувства и узримъ... Христа!“

Всякій годъ, лишь только солнце начнетъ пригрѣвать иззябшую землю, и помчатся всюду быстрые говорливые ручейки, и веселѣе станетъ на душѣ отъ яснаго, синяго бездоннаго неба

отъ тихихъ сіяющихъ дней, отъ весенняго гама птицъ, отъ всплеска вскрывающихся рѣкъ, христіане празднуютъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Послѣ долгихъ ожиданій, послѣ „дней печальныхъ великаго поста“, когда среди ночного сумрака, при яркомъ сіяніи звѣздъ, раздастся благовѣсть къ свѣтозарной утрени, смягчается, наконецъ, человѣческая злоба, блѣднѣетъ рѣшимость къ мщенію, умолкаетъ, никогда не смолкавшая раньше, зависть, „расходятся морщины на челѣ“ у измученныхъ житейской суетою людей, и все привѣтствуютъ другъ друга: „Христокъ Воскресе!“ Надъ унылыми холодными берегами Ледовитаго Океана, надъ мрачными необъятными тундрами нашей Сибири, надъ выжженными, пустынными пространствами Туркестана, надъ недосыгаемыми вершинами Кавказа, Альпъ и Кордильеровъ, надъ грандіозными, умопомрачительными зданіями Нью-Йорка и Парижа, надъ теплыми лазурными водами Гвадалквивира, Нила и Ганга, надъ убогими, по милымъ селеніямъ нашей дорогой Родины несутся волны колокольнаго звона, и весь воздухъ какъ-бы вторитъ людямъ и шепчетъ: „воистину Христокъ Воскресе!“ Кажется, что и звѣзды блещутъ какъ-то особенно, не какъ всегда, и вѣтеръ замолкаетъ, и земля прислушивается къ великой вѣсти объ избавленіи человѣчества, и звѣри, и растенія чувствуютъ, чему такъ ликуютъ люди! И... „празднуетъ вся тварь возстаніе Христово, въ немъ же утверждается“.

И вспоминается всегда почему-то въ такіе моменты прошедшее, закотившееся навѣки дѣтство, котораго больше не вернешь; дѣтство съ его правдой, съ его незатемненнымъ взглядомъ на міръ и отношенія, съ его безхитростностью, съ его вѣрой, великой вѣрой! Кому не припоминается, какъ онъ, бывало, ждалъ этого великаго торжества, съ какимъ трепетомъ, съ какой невыразимой радостью присоединялъ свой дѣтскій, звонкій голосъ къ священной пѣсни: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси!“ И кто не испыталь въ юности того, что Фаустъ:

„Въ субботу тихую, въ священной тишинѣ
Небесной я любовью проникался,

И колокольный звонъ такъ чудно раздавался:
Молился жарко я, и сладко было мнѣ.
Влекомый силою какой-то неземною,
Въ поля, въ лѣса изъ храма я бѣжалъ...
Слеза катилась тихо за слезою,
И новый міръ предъ взоромъ возникалъ*)!“

Вся душа, бывало, готова отдаться служенію любви. Каждаго друга и незнакомца, каждого богатаго и нищаго, одѣтаго въ полусгнившія лохмотья и покрытаго язвами, каждое животное, каждую букашку, каждый кустикъ и былинку, и голубое небо, и золотое солнце, и словомъ все, всю вселенную хотѣлось обнять тогда и полюбить, и сказать: „Христось Воскресе!“ Кто изъ людей не клялся себѣ въ такіе моменты, что онъ никогда, ни за что, ни при какихъ обстоятельствахъ не измѣнитъ Христову завѣту, что всегда, вовѣки сохранить въ своемъ сердцѣ любвеобильное отношеніе къ міру? Но прошли годы, унесли они и простоту, и безхитрость, и любовь, и радости! Подобно птицѣ, долго томившейся въ клѣткѣ, не взлетѣть духу на высоту, въ которой виталъ онъ прежде, отравили его сомнѣнія и скорби, растерялась вѣра, ослабѣла и смутилась воля, опошлилось сердце или, какъ говоритъ въ своемъ канонѣ св. Андрей Критскій: „тѣло осквернися, духъ окаляся, весь острупихся“. И грустно, и хочется плакать при воспоминаніи о прежнихъ дѣтскихъ надеждахъ, которыя заглохли, какъ хризантемы въ холодную осень, о дѣтскихъ восторгахъ, угашихъ, какъ сожженная до основанія свѣчка, о погребенной совсѣмъ еще молодою духовной красотѣ! И потому вспоминается въ такія минуты дѣтство, что снова въ насъ, какъ и во всемъ мірѣ, воскресаетъ Христось и освѣщаетъ сіяніемъ Своей вѣчной чистоты и правды нашу обыденную жизнь съ ея духовной неприглядностью и нищетою, и вопіющими изъянами. И снова стучитъ Онъ въ двери сердца нашего, и слышится снова Его сладчайшій гласъ, какъ нѣкогда ослабѣвшимъ ученикамъ:

*) „Фаустъ“ Гете.

„ужели и одного часа не могли вы пободрствовать со Мною?“ И пріятны воспоминанія о прошедшем дѣтствѣ, и грустны; пріятны потому, что сознаешь, что освѣжается отъ нихъ душа, а грустны потому, что не знаешь, почему и зачѣмъ погубилъ прежнюю дѣтскую правду и чистоту.

Кто изъ живыхъ людей, задумавшись въ тиши своей комнаты, при мирномъ успокаивающемъ свѣтѣ лампы въ этотъ таинственный вечеръ великой субботы не сознавалъ много разъ, что тогда, въ тѣ давнопрошедшіе дни дѣтства и ранней юности все-же счастливѣе чувствовалось, чѣмъ теперь? А вѣдь каждый изъ насъ стремится къ счастію, каждый ждетъ его именно въ будущемъ, и, повидимому, то, что пройдено, превозмозжено жизнью, то не должно бы имѣть для насъ никакой цѣны. И не обманъ ли это, не иллюзія ли прежнее дѣтское счастіе: быть можетъ, оно потому и стало казаться счастьемъ, что ушло отъ насъ на вѣки? Но нѣтъ, тщательная, прилежная исповѣдь самого себя скажетъ всякому, что тогда была дѣйствительная радость, дѣйствительное ликованіе духа, какихъ потомъ тщетно мы искали въ жизни, такъ что даже и по случаю великаго праздника Воскресенія Христова не вполне свободна душа отъ скорбей.

Гдѣ же причина такого печальнаго перерожденія нашего сердца? Отчего лишь на зарѣ своихъ дней мы видимъ радость и счастіе, почему такъ скоро высыхаетъ сердце, почему ослабѣваютъ крылья духа, и потомъ всю жизнь обречены мы быть угрюмыми, невеселыми, апатичными и тревожными? Источникъ такого духовнаго банкротства кроется въ томъ, что мы теряемъ св. вѣру, что мы не бережемъ себя, не вѣримъ себѣ, не любимъ того святаго, что есть въ каждомъ изъ насъ и что распускается въ насъ, какъ цвѣтокъ весною, въ ранней юности. Мы, такъ сказать, ошипываемъ сами себя, какъ нѣкоторые неразумные люди ошипываютъ яблони, когда онѣ цвѣтутъ. Въ ранней юности пылаетъ въ душѣ великодушіе и отзывчивость, тогда больше въ нашихъ очахъ слезъ для чужого горя, тогда собственное наше „я“ не представляется

еще такой необъятной горю, которая скрываетъ отъ насъ весь міръ, тогда есть жажда подвига! И думаетъ ребенокъ-юноша, уединившись гдѣ-нибудь въ лѣсу, или въ полѣ, или въ отдаленномъ коридорѣ учебнаго заведенія: какъ хорошо бы имѣть мужество прор. Или, терпѣніе Георгія Побѣдоносца, братьевъ Маккавеевъ или Варвары, „Невѣсты Христовой прекрасной“, сколько счастья въ отреченіи Алексія, челоуѣка Божія, или Сергія Радонежскаго, въ челоуѣколюбіи Фрайциска Ассизскаго или Гааза, въ правдивости Гусса, въ пламенной ревности Савонароллы, въ беззавѣтномъ патріотизмѣ Ивана Сусанина, Жанны д'Аркъ, Вильгельма Оранскаго. Сколько радости сознавать полезность своей работы, какъ хорошо даже умереть „за други своя!“ И бѣжитъ онъ, одушевленный великими надеждами, съ гривенникомъ въ карманѣ, а то и безъ него, спасать буровъ или славянъ, или, какъ Раскольниковъ (у Достоевскаго), защищать безпомощную лошадеку, истязуемую „пьянымъ Миколкою!“ И не страшитъ юнаго энтузіаста никакое страданіе. Серьезно думаетъ онъ думу свою: надо мнѣ избрать путь, надо отвѣчать самому за свои поступки, за каждый день, — отвѣчать предъ Богомъ, давшимъ мнѣ жизнь. Разладъ чувствуетъ юноша съ взрослыми: легкомысленными представляются ему они, — при всей возможности, если и не совсѣмъ уничтожить, то довести до минимума челоуѣческія страданія, не двигаютъ они и перстомъ ради такого святаго дѣла; напротивъ, еще отягчаютъ лежащее на всемъ челоуѣческомъ родѣ невыносимое иго печали и слезъ. И подобно Ганнибалу, поклявшемуся, будучи семи лѣтъ отъ роду, въ вѣчной враждѣ къ Риму, клянется и юноша, что не будетъ онъ неразумно проводить жизнь. Напрасно говоритъ ему отецъ, напрасно подтруниваетъ старшій братъ, что онъ „не знаетъ еще жизни“, что жизнь—борьба, что добродѣтель невозможна; вѣритъ себѣ энтузіастъ, вѣритъ голосу Вѣчной Правды, говорящему въ немъ. И не себя, а старшихъ себя считаетъ онъ заблуждающимися и радуется, что онъ въ душѣ близокъ къ тѣмъ образцамъ добродѣтели и альтруизма, которые возлюбила душа его. Оттого

то такъ радостно бываетъ на душѣ въ великій праздникъ Воскресенія Солица Правды, Христа,—вѣдь въ этомъ день празднуется разрушеніе зла и темныхъ адовыхъ силъ и водвореніе на вѣки вѣчныхъ завѣтовъ любви и милосердія!

Но проходятъ годы, и юноша дѣлается инымъ. Осмѣиваетъ онъ то, что боготворилъ прежде, считаетъ пустяками то, за что раньше готовъ былъ положить душу свою. Потухаетъ въ немъ пылъ духа, не узнать его знавшимъ его раньше. На чечевичную похлебку промѣнялъ онъ прежнія свои духовныя богатства и сокровища; онъ „самъ себя обокрал“, какъ говоритъ великій стоикъ Эпиктетъ. Онъ перестаетъ вѣрить себѣ и начинаетъ слѣдовать за другими. „Не вѣрь себѣ, мечтатель молодой“, твердили ему давнымъ давно и отецъ, и братъ, и менѣе пылкіе, чѣмъ онъ, соотаварищи. Къ юношѣ, одушевленному возвышенными идеями, правда, взрослые относятся снисходительнѣе, но все же сколько проініи и презрѣнія даже въ ихъ словахъ, напр.: „эхъ, подожди, узнаешь еще жизнь,—молодь еще, все это—мечты!“

И вотъ, подъ вліяніемъ различныхъ жизненныхъ условій, первичныя идеальныя, святаыя стремленія юноши постепенно замѣняются иными опредѣленными, хотя и разнообразными желаніями успѣха предъ людьми—быть знатнымъ, богатымъ, прославленнымъ, т. е. такимъ, котораго считали бы хорошимъ именно другіе люди, —миѣнію которыхъ онъ поддался,—а не онъ самъ. И мало-помалу вся вселенная становится для человѣка мѣстомъ, гдѣ надо искать наслажденій и избѣгать всѣми правдами и неправдами страданій, или—своего рода „кондитерской“, какъ для Тимона Аѳинскаго (у Шекспира).*) И снова припоминаются слова изъ Фауста:

„Къ высокому, прекрасному стремиться

Житейскія дѣла мѣшаютъ намъ,

И если благъ земныхъ намъ удалось добиться,

То блага высшія относимъ мы къ мечтамъ.

*) Трагедія того же названія.

Увы, теряемъ мы средь жизненныхъ волненій

И чувства лучшія, и цвѣтъ своихъ стремленій“.

Вотъ, благодаря подобной расточительности и тратѣ собственныхъ лучшихъ, идеальныхъ, святыхъ чувствъ и стремленій, благодаря недоувѣрію къ самимъ себѣ—и лишаемся мы той радости и того счастливаго настроенія, какое было въ ранней юности. Подобно Кроносу, пожирающему собственныхъ дѣтей, подобно фанатику, сожигающему себя, мы разрушаемъ въ себѣ прекрасныя стремленія и надежды. Потомъ является привычка къ самоанализу, къ самоанатомированію, къ безконечной вознѣ съ своимъ маленькимъ міркомъ и, съ своей стороны, губить наши радости. Точно докучливый, придиричивый педагогъ, мы постоянно стараемся подстеречь всякую свою мысль, всякое чувство и тѣмъ уничтожаемъ ихъ. „Говоримъ горячо, какъ будто искренно, а въ душѣ всегда сидитъ червякъ, который точитъ и сосетъ. Червякъ этотъ—мысль: что, дескать, другъ мой, не лжешь ли ты все это? Думаешь ли на самомъ дѣлѣ то, что теперь говоришь? А въ дѣтствѣ... не то,—тогда думалъ именно то, что думалъ. Любилъ отца и зналъ, что любишь“.

Итакъ, чѣмъ же вернуть намъ ту жизнерадостность и тѣ блаженныя переживанія, которыя промелькнули когда то давно въ душѣ, оставивъ, однако, по себѣ неизгладимыя ни временемъ, ни чѣмъ-либо инымъ теплыя и сладкія воспоминанія? Только христіанскими чувствами вѣрую и любовью, только простодушнымъ отношеніемъ къ людямъ, только доувѣріемъ къ тому лучшему, что есть въ каждомъ изъ насъ. Когда собственные отвѣты наши на самые разнообразныя вопросы жизни сходятся съ вѣчными началами Евангельской мудрости, тогда надо вѣрить такимъ отвѣтамъ, не боясь ничего остального,—иначе можно постигнуть всю мудрость мірскую и не найти себѣ успокоенія. Надо поступать такъ, какъ поступалъ Достоевскій при возникновеніи какого-нибудь серьезнаго жизненнаго вопроса, въ которомъ самъ онъ не могъ разобраться,—онъ раскрывалъ на удачу Евангеліе и читалъ изъ него нѣсколько стиховъ, стараясь найти въ нихъ хотя бы самый отдаленный намекъ на то

или иное рѣшеніе вопроса. Не надо погребать себя заживо, подобно безумцу, закопавшему въ землю талантъ свой, надо беречь возвышенныя чувства свои и лелѣять всякія великодушныя начинанія. Не надо бѣгать отъ собственныхъ мыслей и чувствъ, когда онѣ прекрасны и благочестивы, надо умѣть оставаться вдали отъ разсѣивающихъ впечатлѣній, наединѣ съ самимъ собою. Надо любить то чистое, доброе, христіанское, что, неожиданно для насъ, независимо отъ нашей воли, пробуждается въ насъ временами, зоветъ насъ горѣ и переноситъ привязанную къ праху душу нашу, хоть на нѣсколько моментовъ, въ сіяющій чертогъ благоговѣйнаго энтузіазма и неземныхъ восторговъ. И какъ часто сами мы стыдимся такихъ моментальныхъ просвѣтлѣній нашего духа, какъ боимся, чтобы не сказали о насъ: „онъ расчувствовался“, какъ стараемся отвлечь свое вниманіе въ сторону пошлой обыденщины! Мы не понимаемъ, что въ такіе моменты приходитъ къ намъ Христосъ и—о, если бы мы стыдились своей скудости и считали бы себя недостойными, да войдетъ Онъ подъ кровь души нашей! Нѣтъ, мы бѣжимъ отъ Него, стараемся не видѣть Его, прилагаемъ усилія подавить біеніе сердца, задушить въ себѣ и великодушный порывъ, и голосъ милосердія, и вздохъ раскаянія, и слезу состраданія! И, быть можетъ, никто насъ въ такой мѣрѣ не стѣсняетъ дѣлать добро, какъ мы сами. Хороша заповѣдь „познай самого себя“, поскольку она стремится отвлечь вниманіе человѣка отъ пустяковъ міра въ сторону его безсмертнаго духа. Но этого мало, *надо именно умѣть* бережно относиться къ возникающимъ въ насъ христіанскимъ, благороднымъ начинаніямъ. Рѣдко кого изъ насъ не посѣтитъ въ чудную пасхальную ночь умиленіе—въ видѣ ли слезы радости, или вздоха о нравственной чистотѣ, или порыва къ братству, всепрощенію, искренности,—надо улавливать подобные моменты, а не бросать ихъ безъ вниманія, надо культивировать ихъ: пусть прольются слезы, сколько ихъ есть—нѣтъ лучшаго бальзама для нашихъ духовныхъ ранъ, какъ онѣ; пусть вздохъ о чистотѣ обратится въ печаль объ идеалѣ добра,—ничто вѣдь не въ состояніи

дать намъ столько радости, какъ этотъ идеаль; пусть наружу проявятся порывы къ братству, всепрощенію, искренности: „радостію другъ друга обьемемъ“ — сказано въ священной пѣснѣ. И такое довѣріе къ высотѣ своихъ переживаній можетъ послужить исходной точкой совершеннаго нравственнаго обновленія. Не скепсисъ, а вѣра даетъ радость и счастье. „Очистимъ чувства и узримъ неприступнымъ свѣтомъ воскресенія Христа блистающая“.

Торжествуетъ земля. Нечислимыми звѣздами горитъ далекое, вѣчное небо! Неумолчно гудятъ колокола, и счастье охватываетъ душу. И вся эта ночь, свѣтозарная, великая, во семь году единственная, пріобрѣтаетъ какое-то особое, таинственное значеніе. И кажется, что Господь отверзаетъ источники радости, и они текутъ съ высоты Его подножія и напояютъ людей, затерявшихся въ уголкѣ великой вселенной—въ юдоли страданій и слезъ! Пройдутъ вѣка, смѣнятся поколѣнія; а полная торжества ночь Пасхи всегда будетъ, подобно веселѣ, приходитъ къ людямъ для облегченія ихъ скорбей и напастей, возвѣщая: „Христосъ Воскресе“!

24 марта.

По поводу IX письма свящ. Кузьмина „Соработникамъ на нивѣ Христовой“.

На призывъ Вашъ, о. Владиміръ, къ „спутницамъ преемниковъ апостольскихъ“, а попросту къ женамъ священниковъ, съ цѣлію побудить ихъ занять пустующіе (будто-бы) ряды арміи спасенія, для борьбы съ царящимъ повсюду зломъ,—въ качествѣ адресатки, имѣю сказать слѣдующее.

Излишенъ призывъ, т. к. борются уже—и по всеѣмъ фронтамъ, и съ тѣхъ поръ, какъ становятся спутницами воиновъ Христовыхъ и съ радостью берутъ на себя часть ига ихъ, раздѣляя съ ними все трудности и невзгоды, встрѣчающіяся на пути ихъ, проявляя дѣйствительную любовь къ ближнимъ.

Въ мѣру своихъ способностей и силъ и въ доступныхъ сферахъ каждая изъ насъ трудится, стараясь быть истинной

помощницей своему мужу. Да и не всякая ли жена, вообще, есть помощница мужу и лучшей другъ его? Не таково ли ея назначеніе? Ясно, что и жена священника не представляет собою исключенія изъ общаго правила, но только поле дѣятельности ея шире, цѣли идеальнѣе, чѣмъ у женщины другой среды.

Какъ христіанка, какъ женщина, воспитанная цѣлымъ рядомъ благочестивыхъ и умственно развитыхъ поколѣній, можетъ ли современная матушка быть дурной? Данное ей воспитаніе заставляетъ ее быть матушкой въ истинномъ значеніи слова для духовныхъ дѣтей ея мужа, а природный умъ ея и совѣсть не даютъ ей идти вразрѣзъ его пастырскому дѣлу.

Помогая ему во всемъ и дѣломъ, и совѣтомъ, она въ то-же время не забываетъ и своей семьи. Домъ матери не менѣе святъ, чѣмъ всякій другой. Хозяйственныя заботы ей также не чужды, такъ какъ онѣ связаны съ заботами семейными. Да и кто же бы намъ сталъ преподносить все необходимое для существованія въ готовомъ видѣ? И съ какихъ это поръ женщина-хозяйка стала достойной порицанія?

Итакъ, дѣятельность жены священника разнообразна, и она съ честью осуществляетъ свое право и обязанность трудиться.

Если же Вы увидали нѣчто обратное дѣйствительности, то это произошло вслѣдствіе неопытности глаза (боюсь сказать, самоослѣпленія), который видигъ, какъ извѣстно, вначалѣ все вверхъ ногами. Стоило бы Вамъ дать себѣ время присмотрѣться къ той средѣ, въ которую Вы такъ недавно еще вступили, тогда, безъ сомнѣнія, сужденія Ваши о ней не были бы такъ опрометчивы. Вы увидали бы, что не такъ ужъ она плоха, какъ сейчасъ рисуется Вашему воображенію. Теперь со всемъ усердіемъ порицаете Вы и матушекъ, и батюшекъ, а тогда, быть можетъ, и сами сочли бы чловкимъ лишній разъ изрекать обличенія и наставленія своимъ собратьямъ, въ настоящее время такъ обильно расточаемыя въ Вашихъ посланіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не Америку же Вы открываете, говоря о пастырскомъ долгѣ, о борьбѣ со зломъ и т. п. вещахъ? Это

вѣдь лишь для Васъ ново, собратья же Ваши давнымъ давно, прежде чѣмъ Вы ихъ стали поучать, занялись исполненіемъ врученнаго имъ дѣла Божія, но только работа ихъ совершается безъ шума, безъ рекламы и дѣятельностью своею они не кичатся, популярности не добиваются. Быть можетъ, подобный образъ дѣйствій и не нравится Вамъ, но что подѣлаешь?—такими ужъ ихъ воспитали тѣ матушки, въ которыхъ Вы не постѣснялись бросить комъ грязи; это тотъ, *первый* изъ пяти, отысканныхъ Вами среди женъ духовенства, типовъ, который Вы угодили жвачнымъ животнымъ и назвали „вымирающимъ“.

А эти необразованныя, любящія семью и хозяйство, собирающія „петровскія“ и „осенки“, занимающія „почетныя мѣста въ углу на именинахъ, свадьбахъ и др. деревенскихъ вечеринкахъ“ (какихъ же еще?), матушки о пройденномъ ими жизненномъ пути думаютъ иначе, чѣмъ Вы. Онѣ говорятъ: „о. Кузьминъ насъ несправедливо укоряетъ, утверждая, что мы не были истинными помощницами и спутницами своихъ мужей, что народъ насъ не любилъ и т. д. Если мы и не сидѣли за спиною батюшки, когда онъ составлялъ проповѣдь къ народу, то это еще не значитъ, что мы служили помѣхой его пастырскому дѣлу; если мы и не мечтали возглавлять собою какое нибудь общество трезвости, то мы собственноручно вылѣчивали горькихъ пьяницъ; мы не были фельдшерницами, но къ кому же, какъ не къ намъ, обращались со своими болѣзнями безпомощныя крестьянки и несли своихъ ребятъ? Онъ насъ коритъ сборомъ „петровскихъ“ и „осенокъ“; не насъ надо въ этомъ винить, и не какъ на пріятное развлеченіе смотрѣли мы на эти сборы, а какъ на горестную необходимость. Намъ не меньше, быть можетъ, жгло руку это „доброхотное даяніе“, чѣмъ жгло нашимъ отцамъ, мужьямъ и теперь прожигаетъ пазвось нашимъ дѣтямъ, обреченнымъ судьбою выпрашивать всякій грошъ. И развѣ мы не ободряли и не поддерживали въ минуту скорби нашихъ мужей, готовыхъ упасть подъ бременемъ невзгодъ? Пусть спроситъ объ этомъ о. Кузьминъ у нихъ самихъ. А наши

дѣти? Они трудятся сейчасъ на многихъ поприщахъ общественной дѣятельности. Или мы не сумѣли сдѣлать изъ нихъ прекрасныхъ, благородныхъ духомъ людей? А хорошими ли мы были христіанками — не знаемъ. Пусть Господь насъ помилуетъ, мы старались жить по заповѣдямъ Его“. — Такъ говорятъ онѣ. Судите теперь, правы ли онѣ.

Въ погонѣ за ихъ мелкими недостатками Вы просмотрѣли ихъ большія достоинства, — а вѣдь нельзя сказать о деревѣ — оно сухое, судя по одной его засохшей вѣткѣ.

Не будемъ разбирать степень вѣроятности существованія слѣдующихъ трехъ типовъ матушекъ; они, какъ и первый, по Вашему изображенію, типы отрицательные, и не ихъ Вы, разумѣется, призываете къ борьбѣ со зломъ, т. к. сами они есть воплощеніе зла. Остается еще пятый типъ, который по достоинству награжденъ Вами панегирикомъ. Но этотъ элементъ, годный для мобилизаціи, по Вашему откровенному признанію, очень и очень невеликъ и при самомъ возникновеніи своемъ предназначенъ уже къ исчезновенію. Вы говорите, что когда матушки этой категоріи „робко пытались было сами войти въ кругъ пастырскихъ интересовъ“, то батюшки „ихъ грубо окликали и отпихивали къ шестку и къ пошлымъ интересамъ буржуазной жизни“. Такъ кѣмъ же представленъ этотъ „типъ“? Ужъ не единственнымъ ли экземпляромъ?!.....

Если всѣ усилія Вашего краснорѣчія сводятся къ приглашенію жень священниковъ участвовать на пастырскихъ собраніяхъ, то здѣсь было бы болѣе умѣтна дѣловая рѣчь. А къ чему же эти Ваши велерѣчивыя и оскорбительныя рѣчи. И для чего понадобилось Вамъ плутать по дебрямъ незнакомой Вамъ области женской души? Пожалуйста, о. Владиміръ, освободите матушекъ отъ своего просвѣщеннаго вниманія, не пытайтесь болѣе рисовать ихъ типы, хотя бы и „не ради осужденія и насмѣшки“, какъ Вы выражаетесь, ибо Вы не въ состояніи дать вѣрнаго изображенія избраннаго Вами сюжета. Изъ подъ Вашей кисти выходитъ не картина, а грязное пятно.

Хорошо еще, что не всякую мазню можетъ созерцать непосвященная въ знаніе истины публика! Каково было бы ея пред-

ставленіе о женщи́нѣ духовнаго сословія, когда бы она имѣла возможность ознакомиться съ нею по Вашей характеристикѣ? Я не хочу сказать, что женщина духовнаго сословія совершенна, но чтобъ имѣть право изобразить ее такою низменною, тупою и пошлою, поймите: надо имѣть побольше оснований, чѣмъ Ваша недержимая смѣлость.

Можно бы обойти молчаніемъ Ваши измышленія, но вѣдь за Вами кажу́щейся авторитетъ знатока; вы священникъ, всякій въ правѣ подумать, что здѣсь ошибки быть не можетъ, и повѣритъ. Зачѣмъ людей вводитъ въ заблужденіе? Не важно Ваше личное мнѣніе о матушкахъ,—приписывайте имъ какіе угодно пороки и недостатки, измышляя о нихъ небылицы,—возмутительно лишь Ваше публичное выступленіе и черезъ границы выходящая развязность, съ какою Вы беретесь судить и вкривь, и вкось неподлежащій Вашему пониманію предметъ. Откуда у Васъ такой апломбъ?

Вы пишете матушкамъ: „сестры! бойтесь буржуазности, какъ самого сатаны, ибо она и есть исчадіе сатаны“, а я Вамъ говорю: братъ, бойся гордыни, ибо *она-то* и есть порожденіе сатаны!

И что, какъ не гордыня, Ваше желаніе обличать—и кого же?—своихъ собратій, которые, думаю, не меньше Васъ знаютъ, что черное и что бѣлое! Кто далъ Вамъ это право?

Не лучше ли бы Вамъ заняться воспитаніемъ, въ духѣ Христовой вѣры, своей паствы—богатой по численности и бѣдной духовно? Вы—апостоль, инородцы—паства Ваша,—язычники слѣдовательно?.. Тогда, повѣрьте, не останется у Васъ свободнаго времени писать обличенія.

Жена священника *Августа Григорьева*.

ХРОНИКА ЕПАРХІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Генпадій Вас. Юдинъ предъ смертью пожертвовалъ 10,000 р., на ознаменованіе и увѣковѣченіе дня 300-лѣтняго юбилея царствованія Россійскаго Императорскаго Дома Романовыхъ.

—Соборный священник о. Николай Смиренскій временно назначенъ Предсѣдателемъ Красноярскаго Отдѣленія Училищнаго Совѣта.

—Торговые обороты Лавки при Красноярскомъ Комитетѣ свѣчнаго завода по продажѣ церковной утвари увеличиваются, благодаря сравнительной дешевизнѣ и хорошему качеству утвари. Частные магазины не въ состояніи конкурировать съ нею.

—Въ духовной Семинаріи вводится электрическое освѣщеніе. Электрич. освѣщеніе гигиеничнѣе и не дороже керосинового. Слѣдуетъ завести его и въ другихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

—Въ деревнѣ Дубининой, Никольскаго прихода, Ачинскаго уѣзда, на колодцѣ „Холодный Ключъ“ 27 іюля 1911 г. крестьяниномъ найдена небольшая икона. Въ приходѣ, безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства, установлено было почитаніе иконы, какъ чудесно-явленной. Теперь, какъ мы слышали, назначеннымъ слѣдствіемъ установлено, что найденная икона представляетъ изъ себя обыкновенную икону—хромолитографіи Фесенко, въ Одессѣ, и что не было никакихъ данныхъ, чтобы найденной иконѣ приписывать чудесное явленіе. На основаніи дѣйствующихъ Синодальныхъ распоряженій, икона изъята изъ прихода.

Изъ дневника семинариста.

(Эккурсія воспитан. Красн. д. сем. во Св. землю лѣтомъ 1908 года.).*

(Продолженіе).

10 іюля. Тяжело, грустно тяжело расставаться съ родиной, родными, друзьями, но не болѣе легко прощаться съ чужой родиной, чужими людьми, не хуже родныхъ приласкавшими, пріютившими своихъ братьевъ въ далекой чужбинѣ, среди невѣдомыхъ племенъ и народовъ. Какъ-то уныло на душѣ,—плакать хочется, когда предчувствуешь близкую разлуку и, Богъ вѣсть, можетъ быть, навсегда. Не вѣрится, да и не хочется вѣрять, что мы сегодня послѣдній день въ Іерусалимѣ. Сказалъ бы всѣмъ: „не поѣду отсюда“, но...

*) См. № 7—1911 г.

суждены лишь намъ благіе порывы... Сколько мы изъѣздили версть, сколько обошли, осмотрѣли мѣсть, достопримѣчательностей, но все ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что еще не видѣли наши глаза, не слышали уши и не чувствовали сердца. Но и это малое такъ приковало наше вниманіе, наши сердца къ себѣ, что ходилъ бы не находился, смотрѣлъ не насмотрѣлся. Настроеніе замѣтно понижается. Всѣ говорятъ объ отъѣздѣ. Начинаютъ укладывать свои вещи... Послѣ обѣда всѣ идемъ въ послѣдній разъ осмотрѣть городъ и запечатлѣть посѣщеніе его покупкою какихъ-либо вещей. Я рѣшилъ еще разъ сходить ко Гробу Господню, чтобы тамъ сначала запечатлѣть мѣстопребываніе мысленными предметами въ своемъ сердцѣ и умѣ. Ужели послѣдній разъ вхожу я во храмъ и цѣлую мѣсто „идже лежа Господь“? Богъ знаетъ. Послѣдній разъ я на Голгоѣѣ. Душа, опомнись и вздохни!.. Выхожу изъ храма—успокаиваю себя тѣмъ, что я одинъ изъ великихъ счастливецъ... На базарѣ. Встрѣчаю своихъ товарищей. Жалуются, что не могутъ ничего купить, дорого просятъ, дешевле давать не смѣютъ. Зовутъ меня, какъ торговаго человѣка. Въ часъ времени, кажется, каждый изъ насъ купилъ себѣ, чего хотѣлось и что нравилось. Больше покупали деревянные издѣлія изъ маслины. Я купилъ себѣ за 5 р. письменный приборъ—конторку, деревянный портмонэ, стеклянныхъ съ какой-то жидкостью ручекъ, нѣсколько картинъ и др., а что важнѣе и интереснѣе всего, такъ это—панорама съ 300 видами Іерусалима, его окрестностей и священной исторіи. Много интереснаго можно бы купить, кабы... карманъ былъ потолще.

Дома. Разсматриваемъ, кто что купилъ. Окончательно укладываемъ свои вещи и завязываемъ такъ, чтобы отсюда хоть на край свѣта. Сейчасъ приходилъ посланный о. Архимандрита съ приглашеніемъ къ нему, въ гости. Пріятно слышать. Кстати, мы уже собирались къ нему отблагодарить его за гостепріимство и отеческую заботливость о насъ, какъ о своихъ дѣтяхъ, въ своемъ домѣ. По его слову, вездѣ, куда мы ни пріѣзжали „былъ готовъ и столъ, и домъ“. 7 часовъ вечера. Мы въ покояхъ о. Архимандрита. О. Леонидъ

на этотъ разъ показался намъ еще симпатичнѣе и любезнѣе. Идемъ въ сопровожденіи его на кровлю храмины, гдѣ устроена бесѣдка очень удобная и интересная по своему мѣстоположенію. Отсюда, съ высоты открывается чудная панорама на картину: „Иерусалимъ ночью“. Теплая ночь. Мириады звѣздъ не мерцаютъ такъ, какъ у насъ въ Сибири, а, кажется, горятъ неподвижно, горятъ и свѣтятъ такъ ярко, такъ свѣтло. Въ городѣ тихо: не слышно ни шума, ни гама людскаго, кругомъ мертвая тишина... все заснуло, утомилось отъ дневныхъ работъ, заботъ, а можетъ быть даже и отъ невзгодъ и печали. Куда ни глянешь—та-же чудная картина, та же прелесть Палестинской ночи. Въ бесѣдкѣ. Сѣли за столъ всѣ чинно въ рядъ. О. Архимандритъ не перестаетъ угощать насъ чаемъ со всевозможными вареніями (даже съ тутовымъ), арбузами, дынями и др. фруктами. Шель оживленный разговоръ о жизни семинарской, сибирской, палестинской и т. п. О. Леонидъ рассказалъ намъ объ отношеніяхъ иповѣрцевъ и единовѣрцевъ-грековъ къ русскимъ и православію. Оказывается, распространенію русской миссіи въ Палестинѣ болѣе, чѣмъ фанатичный Исламъ, препятствуютъ кровные по вѣрѣ намъ братья—греки. Вотъ неблагодарные! Вѣдь живутъ на русскія копейки, но жадность давить ихъ совѣсть. Лишь бы только услышать греку, что русскіе покупаютъ какой-либо клочекъ земли, чѣмъ-нибудь отмѣченный въ исторіи—непремѣнно сдѣлаютъ такъ: ни себѣ, ни людямъ, а или католикамъ или францисканцамъ. И не удивительно, что греки злоразсуждали нашей неудачѣ въ войнѣ съ Японіей. Въ общемъ греки народъ назойливый, безцеремонный: корысть и деньги—это ихъ „едино на потребу“. Не знаю, и самимъ изъ нихъ нравится ли это?

Не отъ этого ли ежеминутнаго тарелочнаго попрошайничества въ церкви заростають къ нимъ дорожки. Сколько разъ мы бывали въ ихъ церквахъ, рассказывали намъ и другіе, но въ нихъ всегда почти пусто. Пожалуй, это не анекдотъ, а фактъ, когда греческій священникъ (а можетъ и епископъ) въ концѣ литургіи, обратясь къ западу, произнесъ вмѣсто: „Спаси, Боже, люди твоя“— „Спаси,

Боже подсвѣчники твои и благослови стасидіи твои“. Такъ много было народу, что некому было преподать благословеніе! — Было уже часовъ 11, какъ мы сошли въ залъ о. Леонида. Здѣсь о. Леонидъ попросилъ насъ побыть еще $\frac{1}{2}$ часа и продолжалъ разспросы и сообщенія. Беседа кончилась. Каждый изъ насъ спѣшилъ сказать о. архимандриту свое „сердечное спасибо“. Въ дополненіе къ оказаннымъ намъ уже милостямъ о. Леонидъ, въ благословеніе и память, вручилъ каждому изъ насъ: настольный крестъ изъ маслиннаго дерева, обдѣланный перламутромъ, четки, гербарій Палестинскихъ цвѣтовъ въ маслинномъ переплетѣ, о. П., кромѣ того — перламутровую икону-панагію, а о. М. икону Спасителя. Поблагодаривъ еще разъ, мы пожелали о. Л. добраго здоровья, долготѣія и силъ служить Богу, Царю и русскому народу. Было 12 ч. ночи, когда мы возвратились въ свои покои, довольные и нѣсколько успокоенные, но все-таки чувствовалось, что это былъ послѣдній день, вечеръ и послѣдняя ночь нашего пребыванія во Іерусалимѣ. Какъ жалко!!..

11-е іюля. Послѣднія слова вчерашняго дневника долго не выходили изъ головы. Какъ нарочно вмѣсто покоя они напоминали мнѣ проведенные дни въ Іерусалимѣ. Не могу дать себѣ отчета: спалъ я или нѣтъ, только утромъ всталъ съ постели съ тѣми же словами: „какъ жалко!“...

Но что-жъ подѣлаешь? Поблагодаримъ Бога и людей и за это. Сегодня ужъ никто не сомнѣвается, что мы уѣзжаемъ. Наши вещи уже отправлены. Идемъ благодарить за гостепріимство Г. Михайлова, управляющаго Палестинскими подворьями. Настала минута прощанья и съ Іерусалимомъ, и его насельниками. Вотъ мы уже на вокзалѣ. Составъ поѣзда еще не поданъ. Насъ, кромѣ очереднаго каваса, сопровождаетъ неразлучный Марко. Вдали виднѣется Іерусалимъ. Смотримъ на него и думаемъ о пережитыхъ дняхъ, о прошломъ его. Сколько въ немъ народа побывало всѣхъ сословій и религій въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій и, быть можетъ, сколько еще побываетъ его до скончанія міра. Счастливая

доля и жребій выпали на Іерусалимъ. Сколько разъ онъ превращался въ груды камней и развалинъ. Многія могучія царства оставили лишь намъ свои славныя имена на страницахъ исторіи и... только. Гдѣ Вавилонъ, Ниневія, стовратыя Оивы и гордый Римъ? Что осталось отъ нихъ? Напрасно они гордились своею прочностью, а Римъ своею вѣчностью. Іерусалиму пока свойственны ихъ имена. Здѣсь центръ тяжести, сюда стекутся народы, здѣсь путеводная звѣзда, ведущая въ горній вѣчный и небесный Іерусалимъ... Однако, поѣздъ поданъ. На вокзалѣ—шумъ. Всегда онъ есть, гдѣ евреи бывають. Думаешь: тоже куда то ѣдутъ. Мало имъ мѣста здѣсь!? Вотъ, чѣмъ пить русскую кровь, плакаться о гоненіи, собрались бы со всѣхъ странъ и селились бы въ своемъ царствѣ. Всѣмъ и мѣста, и земли хватить. Мы вошли въ вагонъ, и насъ по обыкновенію заперли. Нѣкоторые острятъ, но какъ-то не смѣшно. Буря душевныхъ тревоженій гонить смѣхъ прочь. Звонокъ, другой, третій... свистокъ, и поѣздъ пошелъ отъ вокзала. Еще немного и Іерусалимъ скрылся навсегда. Прощай св. Градъ! Храни наглядныя картины земной жизни Христа! Поклонъ тебѣ земной и да поклонятся тебѣ вся колѣна земная. Проѣзжаемъ версту за верстой, все тѣ же горы, скалы, долины, обрывы и утесы. Жарко. Въ вагонѣ душно, мы сидимъ назаперти, какъ звѣри въ клѣти. 12 часовъ. Солнце свѣтитъ въ упоръ. Но вотъ и Яффа. Наконецъ-то насъ выпустили. Надоѣло ужъ слушать эти крики неугомонной еврейки: Давидъ! Давидъ! Сначала мы переглянулись, какъ бы спрашивая другъ друга: кто, кого давить? Назойливые же эти евреи. Вотъ мы уже у моря. Волнуется, реветъ и бьется о берегъ оно. Ужели и завтра будетъ также безпокойно—подумывали тѣ изъ насъ, которымъ пришлось ужъ поплатиться раньше за игру его. Вещи сдали въ агенство Русск. О-ва Пар. и Торговли, а сами отправились въ русскія постройки, такъ какъ пароходъ придетъ изъ Портъ-Сауда завтра. До построекъ нѣсколько верстъ, хотя и немного, но илти по песку вѣтъ силы. Насъ поджариваетъ и сверху, и снизу. Мучительная жажда въ конецъ одоѣваетъ насъ.

Ноги еле двигаются, пачинаемъ спотыкаться. Но еще нѣсколько мучительныхъ минутъ, и мы во дворѣ русской духовной миссиі. Какъ сладокъ былъ отдыхъ подѣ тѣнюю густыхъ деревьевъ греческаго орѣшника. Спустя немного времени, намъ былъ предложенъ чай, а затѣмъ вкусный обѣдъ съ виноградными винами и фруктами. Здѣсь я познакомился съ своимъ землякомъ-іеромонахомъ о. Аристархомъ, когда-то бывшимъ въ числѣ братіи Оранскаго монастыря, въ 12 в. отъ родины нашей фамиліи. Старикъ добрый и привѣтливый. Съ нимъ мы осматривали мѣстный роскошный садъ. Видѣли, какъ растутъ грецкіе орѣхи, рожки, апельсины, лимоны, гранаты и др. фрукты. Я сорвалъ нѣсколько рожковъ, зеленыхъ лимоновъ и гранатъ и повезу ихъ въ Россію. Среди сада чудный бассейнъ, глубиною арш. $3\frac{1}{2}$., въ которомъ такъ свободно и фигурально разгуливаютъ золотыя рыбки. Почему то припомнилась сказка Пушкина „О рыбацкѣ и рыбкѣ“. Купанье здѣсь было для насъ наилучшимъ удовольствіемъ. Въ 6 ч. вечера служили всенощную въ мѣстномъ храмѣ. Ужинали на дворѣ, подѣ древеснымъ шатромъ, при огнѣ. Бли всѣ и-толстые, и худосочные ужасно по многу—какъ будто взялись на отрядъ. То-ли обстановка способствовала сему или свѣжій теплый воздухъ, или вкусъ содержимаго, или иное-что—для насъ осталось непонятнымъ. Спали въ помѣщеніи, гдѣ на стѣнѣ висятъ двѣ надписи, свидѣтельствующія о посѣщеніи помѣщенія Высочайшими особами. Легли и, мслча, всѣ заснули. Неудивительно: сегодня для насъ былъ тяжелый день.

12-е іюля. Встали всѣ довольно рано. Наблюдали картину восхода солнца. вмѣсто обычнаго умыванья—всѣ купались въ бассейнѣ. Служили раннюю литургію и напутственный молебенъ. До обѣда я посѣтилъ келлію земляка, на память отъ него получилъ фотографическій снимокъ съ дома, гдѣ онъ живетъ. Обѣдъ былъ обильный и превкусный, съ виномъ и фруктами. Часовъ въ 11 мы простились съ насельниками подворья, поблагодарили за радушный пріемъ. Передали благодарность о. архимандриту и отправились на пароходъ. На берегу Марко намъ сообщилъ, что пароходъ

пришелъ, при этомъ показалъ намъ мѣсто, гдѣ стоялъ дѣйствительно русскій пароходъ. Оказалось, ему объявленъ карантинъ, такъ какъ мѣсто, откуда онъ пришелъ, было неблагополучно или по чумѣ, или по холерѣ. Сообщаютъ, что къ 2-мъ часамъ пароходъ будетъ отпущенъ. Дѣлать было нечего, идти некуда. Сходили лишь въ садъ какого-то купца или просто богатаго жильца, гдѣ посмотрѣли нѣсколько обезьянъ, попугаевъ и еще кое-какіе предметы.

Парохода все еще нѣтъ. У зданія агентства покупали виноградъ и апельсины. Удивительная дешевизна, чуть не даромъ. Вотъ и пароходъ подошелъ и всталъ на свое мѣсто; послѣднія минуты ходимъ мы по святой Землѣ. Одинъ шагъ, и насъ нѣтъ ужъ больше въ Палестинѣ. Море, какъ и вчера, на что-то сердится. Арабы быстро и ловко доставили насъ въ своихъ лодкахъ къ пароходу. Вотъ мы уже на палубѣ. Уныло смотрю я на берегъ, на землю, по которой ступали мои ноги 12 дней. Завидую тѣмъ, кто живетъ на этой землѣ, кто остался тамъ на нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть, до послѣдняго вздоха. Какъ хорошо вѣроятно стать прахомъ и пепломъ вблизи Голгоѣы и Гроба Господня. Жалко Палестину, жалко пріютившихъ насъ въ ней русскихъ по крови и духу ея насельниковъ, жалко все, что оставляемъ мы въ ней, а оставляемъ многое, многое, чего по истинѣ не увидишь во всей Россіи и Европѣ. Прощайте! Нашъ „Цесаревичъ“ двинулся въ путь. Теперь ужъ не вернемся назадъ. Мы ѣдемъ домой, на родину. Сколько впечатлѣній веземъ мы туда, сколько предметовъ составляетъ интересъ для родныхъ и знакомыхъ, а эта вѣтка Палестины?! Я постарался срѣзать себѣ длиннѣе вѣхъ ($5\frac{1}{2}$ арш.), вмѣстѣ съ камышевой палкой. Ужъ и мѣсто имъ приготовлено дома въ переднемъ углу, чтобы, стоя передъ образомъ святымъ, напоминать себѣ короткое бывшее словами поэта:

„Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,

Гдѣ ты была, гдѣ ты росла?...

У волъ-ли чистыхъ Иордана...

Скажи, кто въ этотъ край тебя занесъ?...

Какъ отраднo будетъ вспомнить, что моя грѣшная рука ее въ отчизну мою принесла. Я увѣренъ, что всѣ мысли, думы, впечатлѣнія о мѣстахъ, предметахъ и лицахъ съ родины вѣтки никогда не умрутъ въ моей душѣ. Стоитъ лишь взглянуть на вѣтку—въ моемъ воображеніи моментально раскроются всѣ картины одна за другой.

Г р у с т н о .

Грустныя мысли вызываетъ напечатанная въ № 4-мъ нашего епархіального органа статья свящ. о. Раева. Грустно, весьма грустно читать подобныя статьи! Грустно потому, что въ упомянутой статьѣ описывается полное невѣжество нашихъ прихожанъ въ знаніи христіанскихъ истинъ и обрядовъ православной церкви. Особенно же грустно, что авторъ приходитъ въ отчаяніе и даже «бѣгаетъ» изъ прихода въ приходъ изъ за того, что его старанія объ искорененіи нѣкоторыхъ обычаевъ, вкоренившихся среди сельскаго люда,—обычаевъ, которые не только не оправдываются церковными канонами и установленіями и ученіемъ свв. отцевъ церкви, но даже являются противоположными имъ,—не достигаютъ успѣха и даже, будто-бы, изъ за этого его «выгоняли» изъ приходовъ. Не грустно ли и то въ статьѣ о. Раева, что онъ самъ, священникъ, искореняя нежелательные обряды и обычаи, тутъ же не только допускаетъ ихъ, а и самъ совершаетъ по просьбѣ прихожанъ, напр.: отверзаетъ царскія врата для родильницъ, читаетъ Евангелія при проводахъ покойника и провожаетъ покойниковъ до кладбища съ хоругвями и св. Крестомъ и всѣ эти дѣйствія оправдываетъ изреченіями: „быти для всѣхъ вся“ и „по вѣрѣ вашей буди вама“, изреченіями, не примѣнимыми въ данномъ случаѣ. Если этими изреченіями оправдывать указанныя дѣйствія, то почему бы не примѣнять ихъ и для исполненія другихъ «нецерковныхъ» просьбъ прихожанъ, напр. «печатанія» умершихъ? Вѣдь если эти изреченія примѣнять въ подобныхъ случаяхъ, то до чего можно дойти!

Съ грустью повѣствуетъ о. Раевъ, что, не смотря на то, что поученія о таинствахъ Покаянія и Причащенія произносятся имъ въ теченіе всей недѣли,—а говѣющіе все таки не усваиваютъ вполне сознательно, какъ пужно православному христіанину выполнять эти таинства. Но что-же тутъ удивительнаго и отъ чего-же приходитъ въ отчаяніе? Знаніе христіанскихъ истинъ и разумное пониманіе и значеніе православныхъ обрядовъ не такъ-то скоро и легко усваиваются не только невѣжественными и въ большей части неграмотными нашими крестьянами, да при томъ еще всегда обремененными работами и заботами житейскими, но даже и людьми образованными. Да еще нужно принять во вниманіе и то: если пастырь въ теченіе 6 лѣтъ прослужить въ 5 приходахъ одной епархіи, а на 7-й годъ «убѣжить» въ другую епархію, гдѣ, прослуживши $\frac{1}{2}$ года, опять думаетъ «бѣжать», какъ говоритъ о собѣ о. Раевъ,—то гдѣ же тутъ, при такомъ «бѣганіи» научить свою паству быть истинными и разумными христіанами? Вотъ, если бы онъ служилъ и поучалъ 6 лѣтъ не въ 5-ти приходахъ, а въ одномъ, то онъ многому-бы научилъ большинство своихъ прихожанъ и былъ бы удовлетворенъ плодами своего пастырскаго учительства и ему-бы не приходила мысль о снятіи рясы, хотя бы и подъ такимъ благороднымъ оправданіемъ: «да не съ міромъ осудимся»...

Пастырское учительство, въ особенности болѣе или менѣе продолжительное учительство одного пастыря, приноситъ плоды, чему много есть доказательствъ: во многихъ приходахъ прихожане мало по малу отучаются, благодаря пастырскому учительству, отъ „нецерковныхъ“ обрядовъ и обычаевъ и научаются правильно выполнять христіанскія обязанности и съ разумніемъ,— правда, не всѣ—но, во всякомъ случаѣ, большинство и одни въ большей, другіе въ меньшей степени.

Отъ того, что пастырское учительство не на всѣхъ пасомыхъ и не въ одинаковой мѣрѣ вліяетъ, не должно пастырямъ смущаться и приходитъ въ уныніе, помни, что и во времена учительства Самого Пастыреначальника не всѣ одинаково восприняли Его ученіе; а посланія къ христіанамъ свв. апостоловъ и ученія свв. отцевъ

Перкви не есть-ли доказательство, что не все христіане были вполне знакомы съ истинами христіанства; такіе христіане были до насъ, найдутся такіе-же и послѣ насъ. Отъ этого намъ, пастырямъ, не нужно приходиться въ отчаяніе и «бѣгать», а, наоборотъ,— чѣмъ невѣжественнѣе паства, тѣмъ больше «радѣть о овцахъ». А что касается того, что пастырей будто бы прихожане «выговяютъ» за новые порядки (т. е. за отучиваніе прихожанъ отъ „нецерковныхъ“ обрядовъ), то это сказано о. Раевымъ, по меньшей мѣрѣ, ошибочно: вѣдь ходятъ-же къ нему «переисповѣдываться» изъ другихъ приходоѡ потому только, что онъ исповѣдуетъ не группами, а по одиночкѣ и исповѣдуетъ истово, съ разъясненіемъ и наставленіемъ, и, слѣдовательно, эти люди понимаютъ и, по мѣрѣ возможности, воспринимаютъ его разъясненія и наставленія. Неужели за такія дѣйствія прихожане будутъ «выгонять» пастырей?.. Можно смѣло сказать, что ошибочно-же говоритъ о. Раевъ и въ слѣдующихъ строкахъ: „въ большинствѣ*)“ вотъ такъ и поступаютъ: по 10 и болѣе человекъ взрослыхъ подойдутъ, положатъ копѣйки, поклонятся, исповѣдующій закрываетъ эпитрахилью, читаетъ молитву, отпускаетъ, принимаетъ слѣдующую партію и т. д. и т. д.“...

Неужели правда, что такъ совершается исповѣдь, да еще и въ большинствѣ?

Братья, сопастыри! желательно-бы было, чтобы вы высказались по этому вопросу, а также и о воздѣйствіи на прихожанъ пастырскаго учительства, и я увѣренъ, что ваши отвѣты или, по крайней мѣрѣ, большинство ихъ послужатъ намъ, пастырямъ, утѣшеніемъ и нравственнымъ удовлетвореніемъ отъ сознанія, что наше пастырское учительство, если и не всегда, то въ большинствѣ приноситъ желательные плоды.

Свящ. Ал. Подгайскій.

26 февр. 1912 г.

С. Шунерское, Мивус. у.

*) Курсивъ нашъ.

Примѣчаніе редакціи. Вопросы о правильномъ и истовомъ совершеніи богослуженія и требъ, объ успѣхахъ пастырскаго воздѣйствія на прихожанъ и церковнаго учительства,—эти вопросы, возбужденные священниками о. Раевымъ и о. Александромъ Подгайскимъ, очень важныя и заслуживаютъ особаго вниманія. Было бы желательно, чтобы батюшки отозвались на нихъ на страницахъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“. Они поставлены въ числѣ вопросовъ, съ которыми предсѣздное пастырское собраніе обратилось ко всему епархіальному духовенству (см. № 3—1912 г.).

Матеріалы по исторіи Енисейской епархіи.

*Первые дни служенія въ г. Красноярскѣ † Преосвященнаго
Никодима.*

(Автобіографическія записки).

1862 годъ. г. Красноярскъ. Генварь 5. Пятница. Слава Тебѣ, Господи! Я въ Красноярскѣ. Приѣхалъ избитый, изнуренный, оконечившій отъ морозовъ лютыхъ, за 30 градусовъ, и продолжавшихся съ возрастающею силою на пространствѣ 1500 верстъ.

Я приѣхалъ въ 9 час. утра. Переодѣлся въ предмѣстіи города, въ какомъ то мірскомъ, снаружи деликатномъ, но внутри несносно холодномъ и гниломъ домѣ. Приѣхалъ въ Новый Соборъ, въ каретѣ, парою. Встрѣча: литія, многолѣтіе.—Соборъ готическій, внутри шесть колоннъ, по три въ каждой. Живопись на золотѣ, высокой кисти, но и смиренной. Соборъ во имя Рождества Пресв. Богородицы. Придѣлы: св. Николая и Воздвиженія.

Я стоялъ въ соборѣ длинную Литургію. Пѣли недурныя пѣвчіе. Я совершилъ водоосвященіе. При окропленіи св. водою подходящихъ ко кресту со мною сдѣлалось дурно. Едва вползъ въ алтарь. Разоблачили.

Объщались завтра служить и идти на Енисей для водоосвященія: не могу.—Говорятъ—угарно въ соборѣ. Но я къ тому изнуренъ.

безъ конца дорогою, безъ сна, съ дурной пищею и не во время.

Я во временной квартирѣ купчихи Бѣловой. Хорошій каменный домъ. Тутъ меня встрѣтилъ Губернаторъ, представлялись духовные, купцы, училище, проч.

Ложусь спать въ 6 час. вечера. Холодно.

Я принять съ любовію.

Старецъ купецъ пожертвовалъ богатое золотой парчи и глазета архіерейское облаченіе, а какой то чиновникъ митру. Тотъ же старецъ (Вас. Никиф. Веселовскій—степенный гражданинъ) подарилъ мнѣ кусокъ (каж. 20 аршинъ) богатаго коричневаго бархата на рясу.

Жаль, холодно въ квартирѣ моей.

6. Суббота. Крещеніе Господне. Спалъ 14 часовъ! Не вставалъ... спалъ сладко, сонъ оживилъ меня.

У литургіи былъ въ Покровской Церкви, близъ моей квартиры. Служба степенная. Церковь теплая, сухая. Украшенія богатыя, но я мало ихъ видѣлъ.

Послѣ обѣдни у меня были всѣ чины вмѣстѣ съ Губернаторомъ, а также и купечество. Градскій Голова Петръ Ив. Кузнецовъ (золотопромышленникъ) поднесъ хлѣбъ-соль на фарфоровомъ блюдѣ съ серебropозлащенной солиницею.

Готовлюсь завтра служить. Благослови, Господи! Голова отъ имени гражданъ проситъ служить въ старомъ соборѣ „Воскресенскомъ“, а не въ новомъ, который имѣеть быть каѳедральнымъ.

Всенощное отпѣли для меня въ моей залѣ. Было однако нѣсколько человекъ (до 30 или 40) постороннихъ, въ томъ числѣ Татьяна Ивановна Щеголева, супруга Храмоздателя собора. Послѣ всенощной она сидѣла у меня побольше часу. Женщина умная, не безъ спеси, и съ притязаніями, которыя могутъ мнѣ наносить огорченіе и стѣснять мои распоряженія.

Приготовилъ 4 предложенія Консисторіи и отношеніе къ Губернатору. Предвижу множество дѣлъ. Прошу милости у Бога.

Протоіерей Кассіановъ —человѣкъ энергическій, разумный, мнѣ послушный, каж., будетъ правою моею рукою.

Чай мнѣ подають самаго высшаго достоинства. Столъ отличный. Вина—какія угодно. Это все отъ Головы. Спасибо ему!

Въ домѣ холодновато. Сплю подъ медвѣжьимъ одѣяломъ.

7. Воскресенье. Св. Іоанна Прелтечи. Слава Богу, служилъ въ старомъ соборѣ, Воскресенія Христова; но въ тепломъ. Въ придѣлѣ, гдѣ я служилъ, престолъ во имя Владимірской Бож. Матери. (Мѣстный же образъ Христа Спасителя—Крещеніе, что для меня отраднo). Служилъ совершенно покойно. На правомъ клиросѣ пѣли дѣвицы изъ пріюта (по просьбѣ о. протоіерея, и якобы по желанію гражданъ) съ регентомъ, на лѣвомъ — пѣвчіе. Пѣли концертъ. Кричали. Выходки свѣтскія. Затѣмъ пѣвчіе пришли ко мнѣ и оралы концертъ изъ псалма: Боже, судъ твой Царевнѣ даждь... Далъ 3 руб. сер.

Отцы собора поднесли мнѣ образъ Спасителя въ кивотѣ, съ ризою сребропозлащенною, ножъ, ложку и ложечку, и вилку сребропозлащен. и хлѣбъ съ сребропозлащ. солончочкою. О. Протоіерей Кассіановъ сказалъ рѣчь. У него прошибали слезы (и въ служеніе). Онъ тронутъ.

Выбираю письмоводителей. Страшно холодно въ комнатахъ.

Послѣ Литургіи былъ у испр. долги. Губернатора Ивана Григор. Родюкова. Радъ и вѣжливъ. У него только сестра старуха—Настасья. Сказалъ: „это домъ отца и дѣда моего“. Домъ незavidный, каж. деревянный. Холодно.

Посвятилъ четырехъ мальчиковъ въ стихарь.

8. Понедѣльникъ. Былъ у поздней литургіи въ Покровской Церкви. Служеніе священника намахиваетъ на преосв. Аѳанасія Казанскаго. Не онъ ли посвятилъ его во священника.

Отсюда прямо въ Духовное Правленіе. Здѣсь отпѣто водоосвященіе. Засѣданіе. Я поздравилъ присутствующихъ членами Консисторіи и открылъ Консисторію.

Отсюда поѣхали осматривать дома для помѣщенія Архіерея. (Домъ Вѣловой, гдѣ я нынѣ, уступленъ только на мѣсяць).

Были: 1) Въ квартирѣ Мих. Конст. Сидорова, коллежскаго регистратора.—Золотопромышленникъ. Домъ въ три этажа. Есть службы. Но безъ сада.

2) Въ домѣ чиновника Разсчектаева (каж.). Домъ деревянный, другой флигель—тоже деревянный, большой садъ, большія службы, домъ на площади новаго собора. Переулочекъ пустынный. Старикъ и дѣвочка-вертушка. „Племянница-де моя“.

Не знаю, на какой домъ рѣшиться, оба нравятся, оба холодны. Послѣдній—гвинушка.

Совѣстно: я замучилъ о. Кассіанова. А безъ него не могу ничего дѣлать.

Нѣтъ газетъ. Не знаю, что дѣлается въ мірѣ.

9. Вторникъ. Былъ у ранней Литургіи въ Покровск. Церкви. Были у меня здѣшніе архитекторы, двое, одинъ молодой, другой почти старикъ: избалованные.

Вздилъ съ визитами. Былъ:

1) У Предсѣдателя Казенной Палаты Всеволода Гавр. Политковскаго. Не засталъ. Онъ уже въ Палатѣ. Вышла сестра его или жена его и дочь. Поговорили.

2) У почтмейстера Владим. Адам. Куявскаго. Здѣсь нашли только собаку, съ жеребенка, и лакея. Сказалъ: баринъ уѣхалъ въ Енисейскъ.

3) У Предсѣдателя Губернскаго Суда, Николая Касперовича Эрна. Мигаетъ правымъ глазомъ. Онъ боленъ. Извинился, что у меня не былъ. Тутъ какой то Станишевскій (такъ назвалъ самъ себя), лѣтъ 28—30, видимо, студентъ Кіевскаго Университета, отчаянной надменности и наглости. Были рѣчи о землетрясеніи. Не даетъ и слова выговорить.

4) У жандармскаго полковника Николая Игнат. Боркъ. Принять вѣжливо и любезно. Жена истощенная, но умная и нѣжная. Рѣчи разумныя, интересныя, ясныя—о золотѣ и пріискахъ, о кредитѣ, о торговлѣ и проч.

5) У Татьяны Ив. Щеголевой. Простая женщина, но съ претензіей на уваженіе. Закуска. Рябиновка вмѣсто водки. И думаетъ, что угощаетъ отлично. Тутъ же былъ Николай Петровичъ Токаревъ.

Вчера былъ о. Протоіерей Кассіановъ, благодарилъ за назначеніе его каедральнымъ. Въ сей же день, въ прошломъ году, онъ обѣдалъ у меня въ Казани (Напомнилъ Кассіановъ). Примѣчательно. Такъ Господь располагаетъ все числомъ!

Читаю Москов. газеты. Догоняю. Прочиталъ 21—26 ноября прошл. года. Номера сіи отчасти я видѣлъ въ Казани, но почти не читалъ. А слѣдующіе номера я уже вовсе и не видѣлъ.

Нынѣ отпустилъ первые 11 номеровъ моихъ бумагъ. Благослови, Господи, начало служенія моего въ Енис. епархіи.

Сегодня въ полдень 20 град. мороза при солнцѣ.

10. Среда. Былъ у литургіи въ Покровск. Церкви.

Ѣздилъ съ визитами. Былъ:

1) У Градскаго Головы Петра Ив. Кузнецова. Картины-фантазіи романтическія. Закуска. Жена Александра Оедоровна—толстая.

„Тунгузы или истреблены въ послѣдніе годы оспою, болѣзнями, или неуловимы, скитаются по тундрамъ сѣвера Якутской, Енисейской, Томской и Тобольской областей. Ихъ, притомъ, осталась горсть“ (Рѣчи Петра Ивановича).

2) У Николая Петр. Токарева, старосты каедр. собора. Онъ меня питаетъ и грѣтъ, отъ него мой столъ и прислуга. Каж., онъ болѣе тароватъ, нежели богатъ. Жена его старуха. Сынъ наблюдатель по барометру и термометру.

3) У Василя Никиф. Власьевскаго, степеннаго гражданина, 78 лѣтъ. И жена его такая же. Дочь Анна—жена совѣтника Губерн. Правленія Петра Матв. Куртукова. Здѣсь приняли меня какъ живую святыню: поражаюсь! Здѣсь я выпилъ стаканъ шампанскаго.

Лютый морозъ, небывалый для меня—35 град. вечеромъ.

11. Четвергъ. Во второмъ часу по полуночи—пожаръ, прямо противъ моей спальни, саженьяхъ въ 150. Пламя озарило почъ. Узнаю, сгорѣлъ какой то сарай, кладовая (не съ сѣномъ-ли?) или флигель. Было тихо. 35 град. мороза. Ходили по городу съ трещетками. Набата не было. Я прочиталъ на колѣняхъ акаѣистъ Спасителю.

Здѣсь булка крупчатая стоитъ 8 коп. ф.

Былъ у литургіи въ Покровск. церкви. Туда и оттуда въ каретѣ Щеголевой, маленькой, въ одну лошадь. Татьяна Ив. была у меня. Она завтра именинница. Просить на обѣдъ. Я далъ слово служить для ея Ангела, въ ихъ новомъ соборѣ. Пѣли мнѣ всенощное въ залѣ.

12. Пятница. Св. Татіаны. Славу Богу! служилъ впервые въ своемъ каедр. соборѣ. Народу было очень довольно. Послѣ литургіи молебень св. Татіанѣ. Сначала я оробѣлъ. Мнѣ казалось угарно. Послѣ ободрился, пошедши въ алтарь.

Сперва былъ на чаѣ у именинницы. А потомъ, въ 3 часа. на обѣдѣ. Былъ Губернаторъ и главные чины. Пріятно было видѣть простоту и каж. дружбу въ обращеніи начальства съ купечествомъ. И я принять очень вѣжливо. Слава Богу!

13. Суббота. Былъ у литургіи въ Покровской церкви. Акаѣистъ. Особая молитва съ колѣнопреклоненіемъ. Были: 1) Ачинскій исправникъ, меня провожавшій изъ Ачинска станцію. 2) Александръ Даниловичъ Даниловъ, Енисейскій купецъ. Поклонъ мнѣ отъ Архим. Аѳанасія; стремится ко мнѣ.—Рѣчи о Аѳанасіи, монахинѣ Енисейскаго дѣвичьяго монастыря, которую недавно вытребовалъ Преосв. Порфирій въ Томскъ, для посвященія въ игуменію, вытребовалъ двукратнымъ предписаніемъ, говоря въ послѣднемъ: „пріѣзжай немедленно, ни на что не взирая, даже если бы и пріѣхалъ въ Красноярскъ Преосв. Никодимъ“.

Если это не просто жажда тщеславія (корысть не возможна: монастырь бѣдный), то тутъ не кроется ли какой нибудь скандалъ. Я видѣлъ эту монахиню за станцію предъ Ачинскомъ, она мнѣ сказала: „позвольте мнѣ воротиться“. Я: „зачѣмъ же! слѣдуйте,

куда стремитесь“. Говорилъ мнѣ о семъ и Преосв. Порфирій. Мнѣ стыдно было противорѣчить ему. Сказаль: „пускай! хорошо!“ Боюсь не вышло бы чего. Цѣлый Еписейскъ жалѣеть и сыплетъ укоризны. И какая погода? и нѣтъ вовсе надобности торопиться. Аѳанасія могла управлять монастыремъ и безъ посвященія, даже это было нужно. Она молода. Слѣдовало испытать.

3) Тютюковъ—Инспекторъ Дух. училища. Онъ было началъ нѣжитья: я принялъ строгій видъ. Боюсь, такіе фантазеры не нанесли бы мнѣ скорби. Онъ изъ Казанской Академіи—съ годъ. Огласилъ себя учителемъ вольнаго училища дѣвиць!

4) Какая-то госпожа Фонъ-Езерская. Умоляетъ, чтобы оставленъ былъ бракъ ея 19-лѣтняго сына, служащаго въ какой-то палатѣ, онъ хочетъ за себя взять горничную дѣвку, крестьянку, старше себя. Тутъ былъ протоіерей: я поручилъ ему объявить городскому духовенству запрещеніе вѣнчать.

5) Иеромонахъ Самуиль изъ Туруханскаго монастыря. Онъ служилъ всенощное. Собираетъ на монастырь.

Сверхъ чаянія моего, Мих. Конст. Сидоровъ, золотопромышленникъ, малаго класса чиновникъ,—прислаль мнѣ сегодня вечеромъ пару лошадей: дарить ихъ мнѣ! Это меня удивило. Сегодня привезенъ экипажъ, родъ кареты—возка, за 50 руб. Правда, требуетъ починки, но не большой, так. обр. я дѣлаюсь хозяиномъ. Благослови, Господи!

У меня есть уже и экономомъ архіер. дома, діаконъ Покровской церкви Николай, родной братъ Павла, Преосвящ. Якутскаго.

По милости Божіей, дѣла идутъ хорошо. Съ сего же дня новый человѣкъ—прислуга, Степанъ, вмѣсто Аѳанасія—золотого, но онъ имѣетъ свой домъ и заведеніе. Былъ и чиновникъ Разчектаевъ Алекс. Фед., коего домъ рекомендуютъ, съ садомъ. Я отложилъ это дѣло на мѣсяць.

14. Воскресеніе. Служилъ во 2 разъ въ Новомъ Каедр. Соборѣ. Сердился на неумѣющихъ облачать. Но со мною искушеніе: пріѣзжаю въ соборъ и вижу, что на мнѣ нѣтъ ни папагіи, ни

орденовъ. Такой ошибки еще не бывало въ жизни. Слава Богу, не смутился много. Надѣлъ только крестъ. За панагію и пр. послалъ, принесли. Надѣлъ уже въ алтарь, въ апостоль. Впрочемъ служилъ покойно.

Послѣ обѣдни были у меня посѣтители, даже двѣ дамы—мать съ дочерью Боркъ.

Вечеромъ бесѣдовалъ съ Аѳонскимъ монахомъ Мелетіемъ. Примѣчательный человѣкъ. Онъ обратился изъ раскола, изъ г. Сычевки, Смоленской губ. Написалъ умную книгу. Ему 36 лѣтъ. Торгуюсь возками—экипажами. За зимній возокъ просятъ 200 руб. сер.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Безсмертіе души.

(Окончаніе).

Гл. V.

Истина безсмертія человѣческой души не представляетъ собою только отвлеченно-теоретическую или мистически-безплодную истину, принятіе или непринятіе которой будто-бы ничего не убавитъ и не прибавитъ въ человѣкѣ. Нѣтъ,—это одна изъ тѣхъ вѣчныхъ и жизненныхъ истинъ, признаніе или непризнаніе которой сопровождается величайшими практическими послѣдствіями. А между тѣмъ отношеніе нѣкоторыхъ людей къ этой христіанской истинѣ или равнодушное, или насмѣшливо-ироническое, или прямо отрицательное. И эти отношенія явились не со вчерашняго дня. Еще *Ф. М. Достоевскій* писалъ въ своемъ „Дневникѣ“ слѣдующее: „Въ слишкомъ уже большой части интеллигентнаго слоя русскаго все болѣе и болѣе, и съ чрезвычайно прогрессивною быстротою, укореняется совершенное невѣріе въ свою душу и въ ея безсмертіе“.¹⁾ Эти слова не потеряли, къ великому сожалѣнію, своего

¹⁾ Дневникъ Писателя, СПБ., 1895 г., изд. Маркса, т. X-й, стр. 423.

значенія и въ современные дни. „У насъ теперь иной даже молится и въ церковь ходитъ, а въ безсмертіе своей души не вѣритъ“...¹⁾ Съ этимъ гибельнымъ и преступнымъ невѣріемъ, представляющимъ изъ себя застарѣлую „русскую болѣзнь, заѣвшую все души“,²⁾ пужно всячески бороться..

Сама жизнь ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какимъ великимъ зломъ и бѣдствіемъ сопровождается невѣріе въ свое безсмертіе и, наоборотъ, какими важными благодѣтельными послѣдствіями сопровождается искренняя вѣра въ эту христіанскую истину. Вся жизнь человѣческая, не только личная, но и общественная, въ послѣднемъ и глубочайшемъ своемъ основаніи зиждется на вѣрѣ въ безсмертіе души. Тотъ-же Достоевскій, разсуждая о великомъ нравственно-практическомъ значеніи идеи безсмертія, говоритъ: „Безъ высшей идеи не можетъ существовать ни (отдѣльный) человѣкъ, ни (цѣлая) нація. А высшая идея на землѣ лишь одна и именно идея о безсмертіи души человѣческой, ибо все остальные высшія идеи жизни, которыми можетъ быть живъ человѣкъ, лишь изъ нея одной вытекаютъ“.³⁾ Религіозная исторія народовъ, со своей стороны, показываетъ, что вѣра въ безсмертіе души есть неизмѣнный спутникъ цѣлыхъ народовъ на жизненномъ пути. Этою же вѣрою обусловливается и опредѣляется направленіе и цѣли и каждой отдѣльной человѣческой жизни. „Знаніе того, смертна душа или безсмертна, касается всей жизни“, говоритъ Паскаль. (Мысли о вѣрѣ). Служа выраженіемъ нормальнаго, здороваго состоянія природы человѣка, вѣра въ безсмертіе души составляетъ основаніе нравственно-разумной человѣческой жизни. Вѣрой этой держится весь строй нашей общественной жизни. Она связываетъ между собою людей во имя общихъ высшихъ интересовъ ихъ, во имя общаго высшаго ихъ назначенія, не оканчивающагося здѣшней землею жизнью. Смертный сынъ земли долженъ сдѣлаться вѣчнымъ гражда-

^{1,2)} Тамъ-же, стр. 727.

³⁾ Дневникъ Писателя, т. X, стр. 424.

нипомъ неба. Имѣя это постоянно въ своей памяти и не забывая о своемъ высококомъ предназначеніи, человекъ, сообразно съ нимъ, старается расположить и первую, предуготовительную ступень своего существованія,—свою земную жизнь. „Безсмертіе, общія вѣчную жизнь, тѣмъ крѣпче связываетъ человекъ съ землей. Тутъ, казалось бы, (скрывается) даже противорѣчіе: если жизни такъ много, т. е., кромѣ земной и безсмертной, то для чего бы дорожить такъ земною-то жизнью? А выходитъ именно напротивъ, ибо только съ вѣрой въ свое безсмертіе человекъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ. Безъ убѣжденія же въ своемъ безсмертіи, связи человека съ землей порываются, становятся тоньше, гнилье“...¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, если жизнь моя есть не болѣе, какъ „даръ напрасный и случайный“, если она—одинъ только мигъ, послѣ котораго я долженъ обратиться въ пуль, ничто,—то какая же можетъ быть разумная цѣль моего существованія на землѣ?—Я только случайный гость, безучастный зритель, неизвѣстно кѣмъ и для чего посланный на одну изъ безчисленныхъ планетъ во вселенной, не связанный никакими обязательствами, никакою отвѣтственностью, не видящій и не знающій для себя никакой цѣли...

Съ какою сокрушительною, убійственною силою дѣйствуетъ на человека мысль о смерти при отсутствіи вѣры въ безсмертіе, характеристическій примѣръ этого представляетъ намъ знаменитый критикъ нашъ Бѣлинскій. Приведемъ небольшой отрывокъ изъ его писемъ (Боткину), по поводу смерти его друга Станкевича. „Станкевичъ умеръ! Смерть осмѣлилась подойти безвременно къ такой божественной личности и обратить ее въ ничтожество. Я не понимаю, къ чему все это и зачѣмъ: вѣдь всѣ умремъ и сгниемъ,—для чего жъ любить, вѣрить, надѣяться, страдать? Умираютъ люди, умираютъ народы,—умретъ и наша планета,—Шекспиръ и Гоголь будутъ ничто... Ни вѣра, ни знаніе, ни талантъ, ни гений не безсмертны. Безсмертна одна смерть; ея колоссальный и побѣдоносный

¹⁾ Дневникъ Писателя, т. X-й, стр. 426.

образъ гордо возвышается на престолѣ изъ костей человѣческихъ и смѣется надъ надеждами, любовью, стремленіями. Смерть—вотъ истинный Богъ міра“...¹⁾ Такъ въ свое время мыслилъ и чувствовалъ Бѣлинскій. Въ наше время идутъ въ этомъ отношеніи далѣе; отъ теоретическаго отрицанія безсмертія переходятъ къ практическому отрицанію его, выражающемуся въ самоубійствѣ. На нашихъ глазахъ число самоубійствъ возрасло въ такой значительной степени, что это печальное явленіе сдѣлалось по справедливости „знаменіемъ“ нашего времени. Характерно при этомъ то, что въ большинствѣ предсмертныхъ писемъ, оставляемыхъ самоубійцами, звучитъ одинъ и тотъ же мотивъ: „жизнь надоѣла“, „не стоитъ жить“...

„Всѣ эти самоубійства,—говоря словами Достоевскаго,—я, конечно, объяснить не возьмусь, но зато я несомнѣнно убѣжденъ, что въ большинствѣ, въ цѣломъ, прямо или косвенно, эти самоубійцы покончили съ собой изъ-за одной и той же духовной болѣзни—отъ отсутствія въ душѣ ихъ высшей идеи существованія“.²⁾ „Потеря высшаго смысла жизни, ощущаемая хотя бы въ видѣ самой безсознательной тоски, несомнѣнно ведетъ за собою самоубійство“.³⁾ „Послѣднее, при потерѣ идеи о безсмертіи, становится совершенною и даже неизбѣжною необходимостью для всякаго человѣка, чуть-чуть поднявшагося въ своемъ развитіи надъ скотами“...⁴⁾

Въ наши дни убиваютъ себя даже дѣти, юная молодежь. Эта молодежь страдаетъ и тоскуетъ отъ отсутствія высшихъ цѣлей жизни и, воспитанная внѣ вліянія религіозныхъ христіанскихъ идей, тяготится жизнію, переживаетъ глубокое разочарованіе и добровольно накладываетъ на себя руки; оставляя горькую исповѣдь: „не стоитъ жить“... Это урокъ семьѣ и школѣ. „Въ нашихъ семьяхъ о высшихъ цѣляхъ жизни почти не упоминается, а объ идеѣ безсмертія не только не думаютъ, но перѣдко относятся

¹⁾ Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Соч. Пыпина, т. 2-й, стр. 51—53.

²⁾ Дневникъ Писателя, т. X-й, стр. 427.

³⁻⁴⁾ Тамъ-же, стр. 426.

къ ней сатирически, и это при дѣтяхъ, съ самаго ихъ дѣтства, да еще, пожалуй, съ нарочитымъ назиданіемъ... Наше юное поколѣніе обречено само отыскивать себѣ идеалы и высшій смыслъ жизни. Наша молодежь такъ поставлена, что рѣшительно нигдѣ не находитъ никакихъ указаній на высшій смыслъ жизни. Отъ нашихъ умныхъ людей и вообще отъ руководителей своихъ она можетъ заимствовать въ наше время скорѣе лишь сатирической взглядъ, — но ничего положительнаго, т. е., во что вѣрить, что уважать, обожать, къ чему стремиться¹⁾... Не зная и не видя никакой разумной цѣли своего существованія, беспочвенное и неустойчивое, современное юное поколѣніе кидается мятежно въ въ разныя стороны, увлекается безрелигиозными книгами и теоріями и, сбитое окончательно съ толку, розочарованное и убитое духовно, убиваетъ себя физически...

Но тутъ можетъ случиться еще и другая, противоположная крайность. Теряя вѣру въ безсмертіе, человѣкъ начинаетъ жить одною пизменною, животною жизнью, проповѣдуя эпикурейскую мораль: „Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“²⁾ „Человѣкъ соглашается жить, но подь условіемъ — жить, какъ животныя: ѣсть, пить, спать, устраивать гнѣздо и выводить дѣтей“³⁾ Практическіе выводы этой явно-безнадежной философіи — смертоносны и разрушительны.

„Тогда не прогибвайся, ближній и братъ, если и ты сдѣлаешься пищею людей, которые любятъ „ясти и пити“; ибо, если не стоитъ труда благоучреждать собственную жизнь, потому что „утрѣ умремъ“, то точно также не стоитъ труда щадить и жизнь другого, которую завтра безъ остатка поглотитъ могила. „Такъ забвеніе о будущей жизни ведетъ къ забвенію всѣхъ добродѣтелей и обязанностей и превращаетъ человѣка въ скота или звѣря“...⁴⁾

¹⁾ Тамъ-же, стр. 428—429.

²⁾ 1. Кор. XV, 32.

³⁾ Дневникъ Писателя, т. X, стр. 350.

⁴⁾ Митр. Филаретъ, слово въ день святителя Алексія.

Въ такомъ положеніи находится современный соціализмъ, который не знаетъ и не хочетъ знать другой цѣли для людей въ настоящей жизни, кромѣ той, которая идетъ на встрѣчу ихъ животнымъ инстинктамъ. Проповѣдую будущее счастье и матеріальное равенство всѣхъ, призывая челоѣчество къ энергичной работѣ по переустройству общественно-экономической жизни, соціализмъ становится въ явное противорѣчіе себѣ самому. Это противорѣчіе соціализма хорошо подмѣтилъ и выразилъ нашъ русскій писатель Гончаровъ, извѣстный авторъ „Обрыва“ и „Обломова“. „Отрицая въ челоѣкѣ челоѣка съ душой, съ правами на безсмертіе, писалъ Гончаровъ, матеріалистическій соціализмъ проповѣдуетъ какую-то правду, какую-то честность, какія то стремленія къ лучшему порядку, къ благороднымъ цѣлямъ, не замѣчая, что все это дѣлается ненужнымъ при томъ, указываемомъ имъ, случайномъ порядкѣ бытія, гдѣ люди, по его словамъ, толнятся, какъ мошки въ жаркую погоду, въ огромномъ столбѣ, сталкиваются, мнутесь, плодятся, питаются, грѣются и исчезаютъ въ безтолковомъ процессѣ жизни, чтобы дать завтра мѣсто другому такому же столбу. Если это такъ, тогда не стоитъ работать надъ собою, чтобы къ концу жизни стать лучше, чище, правдивѣе, добрѣе. Зачѣмъ?... Для обихода на нѣсколько десятковъ лѣтъ? Для этого достаточно, какъ муравью на зиму, запастись зернами на жизнь, иногда очень короткую, чтобы было тепло и удобно“...¹⁾

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ, что вѣра въ безсмертіе и будущую жизнь, составляя существенный элементъ религіознаго сознанія, такъ же всеобща, какъ и вѣра въ Бога. Нѣтъ и не было ни одного народа, который не ожидалъ бы будущей жизни, который ограничивалъ бы существованіе и цѣль челоѣческаго бытія одною землею. Повсюду въ челоѣческой исторіи смерть окружена благоговѣйнымъ страхомъ, и законы по отношенію къ умершимъ принадлежатъ къ священнѣйшимъ. Мертвые никогда

¹⁾ Обрывъ, СПб. 1870, стр. 487—488.

не признавались совершенно разлученными съ живыми и навсегда сошедшими съ лица земли, но представлялись живущими лишь въ другомъ мірѣ. Это вѣра строила пирамиды въ Египтѣ и въ его муміяхъ еще и доселѣ свидѣтельствуетъ о себѣ; она давала народамъ мужество въ борьбѣ, ободреніе въ минуту смерти. Голосъ всего человѣчества, выражающій въ данномъ случаѣ голосъ природы человѣческой, рѣшительно высказывается въ пользу безсмертія души и будущей жизни. Всѣ религіи безъ различія, не исключая даже „религіи отчаянія“—буддизма, проповѣдуютъ эту истину. Поэтому никакой наукѣ не удастся никогда заставить человѣка отказаться отъ вѣры въ свое безсмертіе, находящей живой откликъ въ глубинѣ его собственнаго существа. Да и никакой добросовѣстный изслѣдователь не отнесется съ пренебреженіемъ и неуваженіемъ къ этой вѣрѣ, выражающейся въ добромъ преданіи всего рода человѣческаго, — преданіи, которое въ своей непрерывности, съ одной стороны, восходитъ до первыхъ дней существованія человѣчества на землѣ, а съ другой, имѣеть прекратиться только съ осуществленіемъ всѣхъ надеждъ и чаяній человѣческихъ въ вѣчности.

„А если убѣжденіе въ безсмертіи такъ необходимо для бытія человѣческаго, то, стало бытъ, оно есть нормальное состояніе человѣчества, а коли такъ, то и само безсмертіе души человѣческой существуетъ несомнѣнно. Словомъ, идея о безсмертіи—это сама жизнь, живая жизнь, ея окончательная формула, источники жизни, здоровья, здоровыхъ идей и здоровыхъ выводовъ и заключеній“¹⁾.

Христ. Соболевъ.

¹⁾ Дневникъ Писателя, т. X-й, стр. 426. 430.